

ПАТРИСИЯ ГУЧЧИ

ВО ИМЯ
ГУЧЧИ

МЕМОАРЫ
ДОЧЕРИ

ОДРИ

Мода. TRUESTORY

Патрисия Гуччи

Во имя Гуччи. Мемуары дочери

«ЭКСМО»

2016

УДК 746(092)Гуччи
ББК 85.126(3)-8Гуччи

Гуччи П.

Во имя Гуччи. Мемуары дочери / П. Гуччи — «Эксмо»,
2016 — (Мода. TRUESTORY)

ISBN 978-5-699-96605-9

Патрисия Гуччи рассказала о своем отце как об обычном человеке, а не как о главе бренда. Передала всю атмосферу, царившую внутри семьи, особенно много внимания уделила тайной женитьбе Альдо Гуччи на Бруне Паломбо (своей матери), которая была младше его на 30 лет. В книге она использует откровенные письма, которые Альдо писал своей возлюбленной, а также в деталях рассказывает и о своих взаимоотношениях с отцом.

УДК 746(092)Гуччи
ББК 85.126(3)-8Гуччи

ISBN 978-5-699-96605-9

© Гуччи П., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Патрисия Гуччи

Во имя Гуччи. Мемуары дочери

Patricia Gucci

IN THE NAME OF GUCCI: A MEMOIR

© 2016 by Patricia Gucci

This translation published by arrangement with Crown Archetype, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC and with Synopsis Literary Agency

© Мельник Э. И., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Публике кажется, что закулисье модных домов так же гламурно искрится, как модели на подиуме. Но на деле все оказывается совсем иначе. Даже у великих дизайнеров есть много скелетов в шкафу.

Эта книга – история любви, ненависти и предательства».

Журнал Cosmopolitan

Моей матери

Описанные в этой книге события опираются либо на личные переживания и наблюдения, либо на рассказы родителей и других людей. При любой возможности я старалась найти им независимое подтверждение, но допускаю, что в моем изложении они не всегда могут быть такими, какими их помнят другие. В отдельных случаях я изменила имена, чтобы защитить людей или не обидеть их. Любые ошибки – моя собственная погрешность.

Пролог

В день похорон моего отца у меня почва ускользала из-под ног. Земля уже повернулась вокруг своей оси, а я еще не сдвинулась с места.

Мне, обезображенной скорбью и беременностью, было тогда двадцать шесть лет, и от рождения моего второго ребенка меня отделяло меньше месяца. Я смотрела, как отцовский гроб вносили в церковь в Риме. Его похороны были первыми в моей жизни, и мысль о том, что его живой облик ныне покоится в деревянном ящике, лишала меня остатков шаткого присутствия духа.

Вцепившись в церковную скамью, я бросила взгляд на свою мать Бруну, неподвижно сидевшую рядом со мной; ее большие карие глаза были скрыты под огромными темными очками. Она выглядела настолько потерянной в своей безутешности, что ей было не до меня. Я чувствовала себя сиротой – и не первый раз.

Дело в том, что они с папой жили в своем собственном особом мире задолго до того, как я проложила себе путь в него. В пятидесятые годы, с первых же дней этой запретной любви их отношения были глубоки, а узы – крепки. Я стала неожиданным плодом любви, и по воле отца мне пришлось родиться в чужой стране, чтобы избежать огласки.

Альдо Гуччи, творец и мечтатель, лицо знаменитого модного дома, не терпел возражений. Бизнесмен-новатор, обладавший невероятным драйвом, он превратил небольшую флорентийскую мастерскую по производству сумок и чемоданов, принадлежавшую его отцу, в бренд мирового уровня, который стал воплощением итальянского шика.

Я была свидетельницей катастрофического развития событий, повлекших крушение семейного достояния, которое он изо всех сил пытался сохранить.

Последние пять лет его жизни напоминали мне трагедию короля Лира: череда предательств вынудила продать бизнес и в конечном счете свела в могилу.

Однако для меня отец не был тем человеком, кого можно осуждать или жалеть. Он был просто самым красивым папочкой, с неизменной улыбкой на лице, окутанный шлейфом его любимого одеколона, который врвался в нашу жизнь, чтобы вскоре стремительно унести, словно это была экзотическая птица. Худощавый, гибкий и неумный, своей энергией и смехом он будоражил наше застывшее, безмолвное существование и вносил в него суматоху. Ни на кого не похожий, он был человечным, ранимым и глубоко несчастным. И пусть нам не доводилось часто или подолгу видеться с ним, для нас с мамой он был той скрепкой, что удерживала нашу семью.

Теперь он покинул нас, и нам предстояло выдержать его похороны: не только часовую церковную панихиду, но и тягостный трехчасовой путь к склепу Гуччи, находящемуся за пределами Флоренции. Этот бесконечно долгий день должен был стать финалом нескольких трудных недель. Мама, папа и я – все мы скрывались от посторонних глаз в частной католической клинике в ожидании исхода, но никто из нас не хотел верить в неизбежность конца.

Вокруг бесшумно сновали монахини. Моя мать находилась по одну сторону его кровати, а я сидела по другую. Мы были хранительницами тайн и стражами его истины – две женщины, познавшие истинного Альдо Гуччи и любившие его наперекор всему.

В тот же миг, когда мой женатый отец встретился взглядом с прекрасной Бруной, продававшей в его римском магазине, он потерял голову – и отдал ей свое сердце. Застенчивой 18-летней девушке предстояло стать ориентиром и компасом для моего отца, по которому он выверял свой путь на протяжении всей оставшейся жизни. В те три десятилетия, когда он метался по всему миру, создавая свою империю, «доктор Гуччи», как его часто называли, все-

гда тайно возвращался именно к ней, Бруне, в поисках опоры и прибежища. И эта женщина держала его руку, когда он умирал.

Юная красавица, чью внешность сравнивали с прославленными итальянскими кинозвездами того времени, заплатила немалую цену за свою тайную жизнь, скрытую от людских глаз. Как следствие, скрывали и мое существование. Будучи замкнутым ребенком, которому пришлось взрослеть не по дням, а по часам, я лишь удивлялась сумрачному, печальному затворничеству матери и ее закрытости – она оберегала их с отцом святилище и не впускала меня туда.

В январе 1991 года, в утро его похорон в Кьеза ди Санта-Кьяра, что на северо-западной окраине Рима, похоже, их примечательную историю уже никто не помнил. Шофер моего отца, Франко, молча привез нас к этой современной церкви со стенами цвета терракоты. Влившись в скорбную толпу, мы в замешательстве поднялись по широким каменным ступеням, и нам указали на места, отведенные сотрудникам компании и деловым партнерам, которые стеклись сюда со всего мира, чтобы отдать дань уважения прославленному патриарху Гуччи.

Через проход от нас сидела первая жена моего отца, Олвен, которую поддерживали три моих сводных брата – Джорджо, Паоло и Роберто, об их существовании я даже не догадывалась до 10-летнего возраста.

Никогда прежде две отцовские семьи не сходились под одной крышей, и атмосфера была ледяная.

Я также впервые в жизни увидела их мать. Если я вообще когда-либо о ней думала, то представляла ее элегантной пожилой англичанкой, словно аршин проглотившей, в костюме-двойке и жемчугах. А она оказалась морщинистой маленькой старушкой в инвалидном кресле, и физическая, и умственная хрупкость этой женщины, которой тогда уже исполнился восемьдесят один год, потрясла меня. Моя мать, окаменевшая в своей скорби, казалось, вообще ее не замечала.

Мы не стали обращать внимания на подчеркнутую отчужденность этой семьи отца. Такова была наша позиция по умолчанию. В то горькое утро единственное, что я могла сделать в этом неприветливом месте, – поглаживать своего еще не рожденного ребенка и гадать, как мы выживем в этих семейных штормах без покровительства моего отца. Прошло меньше недели со дня его кончины, и хотя моя мать по-прежнему каждую ночь видела его во сне, мы обе чувствовали себя брошенными на произвол судьбы.

Верный формальностям, папа уладил все свои дела задолго до того, как впал в последнюю, фатальную кому. Он организовал собственные похороны, прежде чем передать распоряжения своим самым преданным сотрудникам. Это должна была быть простая панихида без цветов и с минимумом речей.

Желая воздать должное моей матери, он написал собственный некролог, который следовало опубликовать после его смерти. Альдо Гуччи, писал он, оставил на этом свете свою *жену*, Бруну Паломбо, и свою *спутницу*, Олвен Прайс. Некоторые итальянские газеты честно напечатали некролог с указанными отличиями между двумя женщинами, как и задумал мой отец.

Однако «Нью-Йорк таймс» воздержалась от подобной публикации. В появившемся через два дня после его смерти некрологе приводились слова президента Джона Кеннеди, который назвал его «первым итальянским послом моды». Некролог заканчивался фразой: «После кончины мистера Гуччи остались его жена, в девичестве Олвен Прайс, и три сына – Роберто, Джорджо и Паоло».

Никакого упоминания ни о моей матери, ни обо мне.

Это было вопиющим умолчанием, вероятно, организованным другой стороной его семьи, но мы были бессильны что-либо изменить. Не могли мы противодействовать и другим нежелательным публикациям, появившимся после смерти моего отца. Де-юре я еще долгое время обязана оставаться невидимкой и хранить обет молчания.

Вплоть до нынешнего дня.

Прошло двадцать пять лет – и вот она, непридуманная история о моих родителях и созданной моим отцом всемирной империи, которая в конечном счете предопределила жизни каждого из нас.

Теперь я имею право рассказать ее.

Глава 1

Путешествие к корням Патрисии Гуччи

Годы, прожитые после смерти моего отца, нелегко дались нам с матерью. Наши отношения всегда были непростыми, но каждую из нас сносили собственные проблемы, а его отсутствие лишь усугубило их.

Лишившись мужчины, ставшего для нее отцом, другом, мужем и сыном в одном лице, моя мать погрузилась в скорбь и чувство страха. Без той силы, которая прежде двигала нас вперед, она плыла, подобно кораблю без руля и без ветрил. Всякий раз, когда мне хотелось утешить ее, она меня отталкивала, а потом у меня просто не оставалось времени, чтобы предпринимать новые попытки. Мой брак трещал по швам, а на руках был новорожденный ребенок, и именно мне пришлось иметь дело с юристами по поводу отцовской недвижимости. Скорбеть было некогда. Глядя на свою мать, я ощущала полное бессилие от собственной неспособности поддержать ее, когда она была не в состоянии примириться с потерей, совершенно выбившей ее из привычной колеи.

В итоге эта потерянная разорвала все нити общения в то время, когда я больше всего нуждалась в ней. Следующие несколько лет мы почти не поддерживали отношений. Когда мне перевалило за сорок, за моими плечами были два неудачных брака и психологическое бремя ответственности перед моими тремя дочерьми. По причинам, остающимся для меня загадкой, я привлекала не самых подходящих мужчин – и в результате безмерно страдала. Настоящее чувство – такая любовь, какая была у моих родителей на протяжении их долгих и непростых отношений, – от меня ускользало.

К счастью, у меня были замечательные друзья, но их поддержка могла облегчить мою жизнь лишь в ограниченных пределах. Мне помогали молитва и медитация, а также осознание того, что отчасти мои жизненные неудачи объясняются оторванностью от корней. Я никогда не виделась со своими бабушками и дедушками и была едва знакома с братьями.

Даже отца я по-настоящему узнала только в последний период его жизни, а мать по сей день осталась для меня тайной за семью печатями.

Чем больше я стремилась понять собственную душу, тем отчетливее начинала понимать, что мои неверные решения, похоже, проистекали из разрушенного детства и искаженных семейных отношений. Чтобы жить дальше, мне необходимо было вернуться назад, к своим корням, и примириться со своим прошлым.

В конце концов мне пришло в голову, что, возможно, будет полезно написать об отце книгу. Я хотела воссоздать хронику нашей совместной жизни именно так, как мы ее ощущали, – как летопись моей семьи. И надеялась оставить своим детям уникальную и честную память о нас, не имеющую никакого отношения к сенсации, которую из нее делают. Самое главное, я верила: отец по праву заслужил свое место в истории – не только за его вклад в становление компании Гуччи, но и как первопроходец, распространивший культовый лейбл «Сделано в Италии» по всему миру.

Чего я совсем не ожидала, так это того, что мои изыскания снова сведут меня с матерью. После многих лет отчуждения я, наконец, приблизилась к пониманию уникальности тех уз, которые связывали ее с отцом, чтобы вознаградить ее по заслугам.

Мое прозрение началось в 2009 году, когда я навестила ее в Риме. После полугодового траура, нарушаемого моими телефонными звонками дважды в неделю, я приехала к ней поговорить. В надежде извлечь урок из ее долгого пути самопознания, я рассказала о своих переживаниях за время нашей разлуки, а также о моих поездках и духовной практике. Она поняла, что я все еще пытаюсь обрести себя.

– Я встречалась со многими интересными людьми. Среди них были те, кто помог мне осознать, как много пробелов в моих детских воспоминаниях, – сказала я матери, мягко подводя ее к теме. – На самом деле, это одна большая черная дыра. Признаю, что сама никогда тебя не расспрашивала, но я так мало знаю о тебе и папе и о вашей жизни, когда вы были молоды, и мне захотелось узнать больше.

Всем своим видом мать недвусмысленно показывала мне, что она предпочла бы не говорить о таких вещах. Всякий раз, когда я делала подобные попытки в прошлом, она отталкивала меня, заявляя, что не помнит или – более красноречиво – не хочет вспоминать. Ее привычка держать все в себе, ничего не комментировать, а меня оставлять в неведении стала нормой ее жизни, поэтому я опасалась, что и на этот раз все повторится.

И действительно, бросив на меня взгляд искоса, она пожала плечами и спросила:

– Какой в этом прок теперь, после стольких лет?

– Ну, я думала, что, возможно, откровенность и тебе пойдет на пользу, – ответила я. – Ведь тебе всегда казалось, что тебя не понимают.

Мать с минуту молча глядела на меня. А затем она резко поднялась и ушла в спальню. «Должно быть, я зашла слишком далеко и разговор не получится», – мелькнуло в моей голове. Но, возможно, что-то из сказанного мной в тот день тронуло ее, потому что она вернулась, держа в руках кожаную сумку с фирменным знаком Гуччи. Протянув ее мне, она сказала:

– Твой отец написал мне много писем. Я их сохранила. Вот, возьми их.

Вплоть до этого момента я даже не представляла, что когда-то папа писал моей матери письма. Он жил собственными реалиями, напоминавшими бешеный галоп, и у меня в голове не укладывалось, как и когда он находил время, чтобы писать ей так много *lettere d'amore* [любовных писем. – Пер.].

Мне хватило ума придержать язык. Я расстегнула «молнию» на сумке и вытащила пачку писем. Одна их часть была написана на голубой бумаге авиапочты, другая – на гостиничных фирменных бланках, третья – напечатана или написана от руки характерным отцовским почерком; все они были на итальянском. Драгоценный архив времен их ухаживания между 1958 и 1961 годом также включал телеграммы из-за границы. Почему она хранила все эти материалы на протяжении более полувека?

Пока я торопливо перебирала письма, мой взгляд зацепил фразу: «Сокровище мое, любовь моя, не покидай меня! Не разрушай лучшую часть моей жизни... не отталкивай меня; это чувство – не просто безрассудная страсть, но огромная и безграничная любовь».

Я с трудом верила собственным глазам. Мать с минуту наблюдала за мной, пока я просматривала страницы, а потом встала, чтобы приготовить чай.

– Это прекрасные письма, – тихо проговорила она, стоя уже на пороге комнаты. – Твой отец замечательно подбирал слова. Это была одна из первых черт, которая привлекла меня.

– Ты считаешь их вместе со мной? – спросила я, но она подняла руку в знак протеста и отрицательно покачала головой.

– Не могу. Я помню, какие чувства они вызывали во мне тогда, много лет назад. Мне этого достаточно.

Мои глаза налились слезами, и я поняла: только что мать передала мне бесценное наследие. Через два десятилетия после его смерти она приоткрыла для меня окно, позволяющее заглянуть в их тайную общую жизнь и впервые окинуть взглядом свидетельства, которые очень долго оставались для меня тайной.

– Но это же что-то невероятное, мама! – воскликнула я.

– Да, – согласилась она. – Это была своего рода *fiaba* [волшебная сказка. – Пер.] – но не из тех, у которых непременно бывает счастливый конец.

Ее подарок знаменовал начало моих поисков. Я нацелилась сложить головоломку жизни моих родителей, а в конечном счете – и моей собственной. Слова отца породили тысячу вопро-

сов, на многие из которых мать соглашалась ответить на протяжении следующих нескольких лет. Вдохновленная, я отправилась в увлекательное путешествие во времени, к моим флорентийским и римским корням, и начатое мной исследование было познавательным во многих отношениях.

Сколько же всего написали о «саге» дома Гуччи! Слишком пристальное внимание уделялось опале моего отца и непростым семейным отношениям, которые вылились в скандалы, разводы и даже убийство. И так мало было сказано о том, каким великим человеком он был или как горячо любил мою мать!

Благодаря силе его слов я узнала его как страстного и чувственного мужчину, что резко контрастировало с закрепившейся за ним репутацией безжалостного главы модного дома, который правил железной рукой. Важнее всего было то, что я совершенно по-новому увидела нетривиальную историю любви моих родителей в золотую эпоху *la dolce vita* [сладкая жизнь. – Пер.]. После моего не слишком складного детства это откровение принесло мне глубинное прозрение. Мне представилась возможность оценить не только испытания и несчастья, постигшие моего отца, но и те жертвы, которые принесла, будучи совсем молодой женщиной, моя мать, чтобы стать возлюбленной и пожизненной спутницей невоспетого героя современной Италии.

Мое паломничество к истокам растопило лед, и мать наконец смогла решиться на откровенность и показать мне совершенно незнакомого Альдо Гуччи – отдельные проблески его истинного облика мне довелось лично наблюдать лишь в конце его жизни.

– У него была и другая сторона, – настойчиво повторяла она. – Та сторона, какую знала только я. Это и был настоящий Альдо.

И, раскрывая эту сторону для меня, она позволила мне впервые посмотреть на отца ее глазами.

Глава 2

Как началась история дома Гуччи

Несмотря на итальянские корни, я выросла в Англии и считала себя скорее британкой. Мне всегда казался весьма показательным факт, что история дома Гуччи более века назад началась именно в Лондоне.

Мой дед по отцовской линии был крещен под именем Гуччо Джованбаттиста Джачинто Дарио Мария Гуччи – и, уверена, это имя было слишком громоздким для обращения, когда в 1897 году он поступил на работу в отель «Савой» с видом на Темзу. Этот гибкий подросток из Тосканы, выросший в маленьком городке, что лежит в сорока километрах западнее Флоренции, в шестнадцать лет сбежал из дома на поиски счастья. Добравшись до побережья, он сел на пароход и отрабатывал свой проезд, кидая в топку уголь на грузовом судне. Мастерская по изготовлению соломенных шляп, принадлежавшая его дяде, на которого работал отец паренька, находилась в бедственном положении и вскоре ушла с молотка, оставив семейство с пустыми руками.

Гуччо готов был взяться за любую работу, чтобы помочь родным. Наверняка ему доводилось слышать легенды о состояниях, сделанных в Британии конца XIX века, где правила королева Виктория. То были годы, известные как «веселые» или «беспутные девяностые» – период фривольности, показного шика и богатства, которыми в особенности кичились высшие слои общества. Стали популярны гранд-туры по Европе, маршрут которых брал свое начало в Лондоне. Прежде чем пуститься в экстравагантные странствия по континенту, богатые американцы и жители колоний, которым жгли карманы миллионы, заработанные на добыче алмазов, строительстве железных дорог, в промышленности или на золотых приисках, начали стекаться в Лондон.

Дед умер за десять лет до моего рождения, поэтому я так и не смогла спросить его, кто посоветовал ему поискать работу в самом роскошном отеле британской столицы. Из архивов отеля «Савой» следует, что среди обслуживающего персонала было несколько итальянцев, и юноши с кожей цвета оливок и лицами херувимов были востребованы в качестве мальчиков на побегушках. Накрахмаленные белые перчатки, щегольские кепи и изящные ливреи – их вид услаждал взор сливок общества, которые оказались падкими на новую моду: останавливаться в отелях, предлагавших безупречный сервис, включая электричество, а также горячую и холодную воду в смежных ванных комнатах. Заказывать номера в отеле было выгоднее, чем содержать продуваемые сквозняками и освещаемые газом частные городские дома, в которых и в помине не было подобной роскоши. В отеле имелись даже лифты, снабженные регуляторами с двумя скоростями подъема, дабы у чувствительных дам не случился обморок.

В 1890-е годы в соответствии с этикетом швейцары помогали гостям высадиться из конных экипажей и препровождали их к стойке администратора на первом этаже. Лакеи прибывших гостей оставались во внутреннем дворе и следили за тем, чтобы коридорные не перепутали чемоданы посетителей. Эти красивые, ручной работы сумки и чемоданы, часто украшенные монограммами и фамильными гербами, изготавливала горстка европейских производителей кожаных изделий, среди которых самыми знаменитыми были, пожалуй, Louis Vuitton в Париже, *H. J. Cave & Sons* в Лондоне и *Asprey* с Нью-Бонд-стрит, чьи портпледы, сумки и несесеры до сих пор лицензируются с «королевского согласия».

Хотя юный Гуччо на момент своего приезда в Лондон почти не говорил по-английски, на протяжении четырех лет, что он проработал в отеле «Савой», его с удовольствием нанимали носильщиком. Основным занятием моего деда была переноска багажа, сложенного в высокие башни, из внутреннего дворика (в те времена туда въезжали через широкие ворота с гранит-

ными столбами на Савой-хилл) в роскошные люксы с видом на набережную, для чего нужно было подниматься по лестнице или на служебном лифте. В номерах ему полагалось помочь гостям отсортировать багаж, прежде чем предоставить распаковку содержимого горничным и личным лакеям господ. Эта работа требовала лишь услужливости, физической выносливости и умения объясняться жестами.

Работа носильщика была «черной», за нее платили примерно два шиллинга и шесть пенсов в неделю плюс проживание и стол (примерно 2 фунта), но чаевые в полсоверена¹, полученные от щедрого гостя, для парнишки-носильщика могли стать целым состоянием.

На фоне патриархального провинциального детства моего деда, должно быть, в юности он только диву давался, оказавшись в первом лондонском отеле такого класса. Открытие его – помпезное, с пенящимся шампанским – состоялось в 1889 году. Заведение, к которому я всегда питала особую слабость, отель «Савой» до сих пор остается одной из великолепнейших гостиниц Лондона. Нетрудно представить, каким упоительно модным он был в то время.

Отели «Беркли», «Карлтон» и «Ритц» в те годы еще даже не были построены, а «Клариджес», принадлежавший владельцу «Савоя», театральному импресарио Ричарду Д'Ойли Карту, был похож скорее на комфортабельный клуб для мелкопоместного дворянства. «Савой» же, с управляющим Сезаром Ритцем, главным и знаменитым *maitre chef* [шеф-повар. – Пер.] Огюстом Эскофье, пропагандировал революционную по тем временам мысль о том, что отель – вполне достойное место, где не стыдно показаться аристократии и даже особам королевских кровей. Это был первый отель, который стал достопримечательностью, а не просто местом для ночлега. Среди постояльцев были заметные фигуры нового «космополитического общества»: Сара Бернар², дама-командор ордена Британской империи Нелли Мельба³ и Лилли Лэнгтри⁴. Для таких гостей по заказу отеля были созданы специальные столовые сервисы, а развлекали знаменитостей другие звезды вроде Ноэля Кауарда⁵ и Джорджа Гершвина⁶.

Я часто гадаю, довелось ли моему деду встречаться с кем-нибудь из этих великих людей. Бросал ли ему монетку Ноэль Кауард? Была ли с ним ласкова Лилли Лэнгтри? Но каким бы ни был ответ, уверена, что Гуччо Гуччи испытал бы настоящий шок при мысли о том, что, переживи эти знаменитости свое время, его имя было бы у всех на слуху.

Принадлежащий отелю ресторан «Ривер», столь хорошо мне знакомый, был одним из первых публичных мест, где дамам позволялось трапезничать. Это, в свою очередь, подхлестнуло интерес к моде и зарождавшемуся новому стилю. И все это означало, что юным и румяным коридорным вроде моего деда приходилось таскать все больше шляпных картонок, чемоданов, саквояжей и чехлов с дамскими зонтиками.

Однако к 1901 году настрой в Британии изменился. Двадцать второго января после шестидесяти четырех лет непрерывного правления скончалась королева Виктория, что повергло ее подданных в страшный шок. Англо-бурская война⁷ лишь усугубила неуверенность в завтрашнем дне и породила политический хаос; «позолоченный век» потускнел. Именно в том году 20-летний Гуччо решил покинуть полюбившийся город и вернуться во Флоренцию с теми полусоверенами, которые он бережно копил все эти годы.

¹ Полсоверена – английская золотая монета в 10 шиллингов. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Сара Бернар – французская актриса, в начале XX в. ее называли «самой знаменитой актрисой за всю историю».

³ Нелли Мельба – австралийская певица.

⁴ Лилли Лэнгтри – британская актриса и «светская львица».

⁵ Сэр Ноэль Пирс Кауард – английский драматург, актер, композитор и режиссер.

⁶ Джордж Гершвин – американский композитор и пианист.

⁷ Вторая англо-бурская война (1899–1902) – превентивная война бурских республик – Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившаяся победой последней.

Вернувшись в лоно семьи, он принялся искать новую работу, однако прежде нашел себе жену – харизматичную мать-одиночку по имени Аида Калвелли, работавшую швеей, а ее отец был местным портным. Гуччо усыновил незаконнорожденного ребенка Аиды, Уго. Его отец умер, не успев жениться. Должно быть, в те времена такое решение вызвало большой скандал, но Гуччо пошел наперекор общественному мнению, сделав мать-одиночку своей женой и усыновив ее сына. Однако он так и не смог принять Уго полностью как своего ребенка, и в конечном счете между ними возникло отчуждение.

В течение нескольких последующих лет у Гуччо и Аиды родились дочь, моя тетка Гримальда, и четверо сыновей, в том числе мой отец Альдо, который родился 26 мая 1905 года. Один из мальчиков умер в детстве, и в семье осталось трое братьев, чьи судьбы впоследствии неразрывно переплелись с моей.

С рекомендательным письмом из отеля «Савой» мой дед вскоре нашел работу в принадлежавшей бельгийцам компании *Compagnie Internationale des Wagons-Lits*, которая была оператором самых роскошных в Европе поездов на паровой тяге, включая «Голубой поезд» и «Восточный экспресс». Но его чаяниям сделать карьеру помешал призыв на службу в королевскую итальянскую армию. В 1915 году Италия вступила в Первую мировую войну⁸. Тридцатичетырехлетний Гуччо был отправлен в транспортный армейский полк в качестве шофера.

Все, что мне удалось узнать о его жизни в ходе жестокой окопной войны в горах на границе Италии и Австро-Венгерской империи, – это что он каким-то чудом уцелел, в то время как количество погибших перевалило за 700 тысяч. После войны Гуччо устроился на работу в «Франци», миланскую компанию по производству кожгалантереи. Она была основана в 1864 году Рокко Франци и его сыном Феличе, которые монополизировали итальянский кожевенный рынок, обеспечивая своей продукцией взыскательных европейских путешественников. Их стильные сундуки и фирменные чемоданы, изготовленные из кожи особой выделки, «кожи Франци», пропитанной экзотическими эссенциями, стали продавать повсеместно: их можно было видеть едва ли не на каждом трансатлантическом пароходе или поезде первого класса, и не раз они были замечены в «Савое». Был ли то осознанный выбор своего пути или просто случайное предложение о работе, которое он принял, о том история умалчивает.

Однако, проработав в компании Франци совсем недолго, Гуччо почувствовал, что в мире роскошных изделий из кожи есть место и для него. Начав подмастерьем и научившись выбирать и обрабатывать кожи для создания высококлассных, долговечных, но мягких изделий, он вырос до управляющего римской красильней Франци. Начать хотя бы с того, что он ежедневно ездил на работу в итальянскую столицу, после того как моя бабка упрямо отказалась покинуть ее родную Флоренцию. Со временем невероятно энергичная Аида уговорила мужа совершить, пожалуй, самый рискованный шаг в его жизни – уволиться из компании «Франци», вернуться домой в квартал Ольтарно, что к югу от реки Арно, и основать собственное дело.

Мои дед и бабка купили небольшую лавку на мощенной булыжником улочке к северу от реки, недалеко от шикарного района модных магазинов и кафе, с главной улицей виа де Торнабуони. Эти новые заведения были удачно расположены на расстоянии пешей прогулки от знаменитого моста Понте Веккьо⁹, который непременно хоть раз да пересекал практически каждый гость Флоренции. Первые упоминания свидетельствуют, что этот скромный магазинчик был от пола до потолка забит чемоданами, сумками, портфелями и сундуками всевозможных видов и мастей. При лавке имелась собственная кожевенная мастерская, которую Гуччо заполнил сырьем из Германии, купив кожу оптом по весьма выгодной цене за счет благоприятного послевоенного обменного курса.

⁸ Первая мировая война (1914–1918) – один из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества.

⁹ Понте-Веккьо – мост во Флоренции, расположенный в самом узком месте реки Арно, почти напротив знаменитой галереи Уффици.

Человек безупречного вкуса, мой дед надеялся начать выпускать превосходные кожаные изделия, какие ему приходилось держать в руках в годы его юности, только он использовал более дешевые сорта кожи, улучшенные благодаря умелому крашению и технологиям обработки.

Его собственный элегантный дизайн – произвольная трактовка английского шитья и стиля – был разработан и доведен до совершенства флорентийскими ремесленниками с их наметанным глазом на детали.

На каждом новом изделии красовалась первая эмблема Гуччи – крохотное изображение юного носильщика в ливрее и кепи, который нес в одной руке саквояж, а в другой – чемодан. Со стороны моего деда это была очевидная дань уважения судьбоносному периоду службы в отеле «Савой».

Гуччо Гуччи распахнул двери своего магазина в доме номер семь по виа делла Винья Нуова в 1921 году. Название этой улицы переводится как «новая винокурня», и он наверняка надеялся на винтажное начало. Посеребренные буквы названия магазина – *G. GUCCI & Co.* – красовались над дверями в стиле ар-деко. Я не раз бывала там – ныне этот магазин входит в более крупный торговый комплекс фирмы *GUCCI* с главным входом на виа де Торнабуони, но нетрудно представить, как он выглядел почти сто лет назад.

Одно из первых рекламных объявлений во флорентийской газете «*Sassaiola Fiorentina*» описывало специализацию магазина как *valigeria Inglese*¹⁰. Он также предлагал *articoli finissimi per regali*¹¹. Должность моего деда называлась *direttore proprietario* – он был одним из партнеров, владевших бизнесом на паях с неназванным деловым инвестором. Так вырос мой дед, «прежде служивший у производителя кожаных изделий «Франци». Сорокалетний отец троих детей, который когда-то в юности такие сумки мог таскать только за гостями отеля, должно быть, нервничал, но был полон гордости, стоя за прилавком со стеклянной столешницей, с нафабранными усами, в ожидании первого покупателя.

Гуччо мудро поставил во главу угла долговечность своих изделий, и ходили байки, что он даже прыгал на своих чемоданах, чтобы продемонстрировать их прочность. Качество было превыше всего, и он знал, что людская молва поможет ему распродавать галантерею. Поначалу дело шло ни шатко ни валко, но вскоре потянулись посетители благодаря рекламе в газетах, а также рекомендациям довольных покупателей, о чем он и мечтал. Со временем Гуччо также взялся за починку багажных принадлежностей, поврежденных во время трудных путешествий по шоссе, морю или железной дороге, – проблема, хорошо ему известная со времен его бытности мальчиком-коридорным. Ремонт оторванных ручек и ремней и полировка уродливых царапин стали настолько выгодным предприятием, что мой дед с его растущим аппетитом к коммерческому успеху смог открыть еще одну мастерскую.

Моему отцу, Альдо, исполнилось четырнадцать лет в тот год, когда открылся семейный бизнес: он был не намного моложе собственного отца в те времена, когда тот бросал в топку уголь, чтобы оплатить свой проезд в Англию. Хотя позднее папа изучал ботанику в колледже (что разожгло в нем пожизненную страсть к садоводству), мысли о высшем образовании были в основном забыты, поскольку его и младшего брата (моего дядю Васко) подключили к работе в качестве велосипедистов-курьеров, доставлявших заказы; они выполняли эту работу после занятий в школе и по выходным. Их младший брат Родольфо, которому было в то время девять лет, был слишком мал, чтобы развозить заказы, и, кроме того, мечтал совсем о другом.

Моя тетка Гримальда, их 18-летняя сестра, стояла за кассовым аппаратом на пару с бабушкой Аидой – настоящим двигателем бизнеса. Одета в накрахмаленный белый фартук,

¹⁰ Торговля английскими чемоданами. (Примеч. пер.)

¹¹ Изысканные аксессуары для подарков.

она точно так же руководила безупречно одетым персоналом в соответствии со взыскательным стандартом, как и управляла домашним хозяйством. Папа обожал ее, хотя и признавал, что Аида могла быть «сущим дьяволом», и называл ее бесстрашной женщиной. Она, что называется, пленных не брала и была уверена, что способна на все – точь-в-точь как он сам.

Ее муж, обладавший многими хорошими качествами, был человеком честным, но нередко бескомпромиссным, а временами становился тираном. Он, отличавшийся слишком пылким темпераментом и нетерпеливостью, был перфекционистом – черта, которая передавалась по наследству моему отцу, а от него досталась и мне. Во всем – от домашних обязанностей до ухода за своей внешностью – он требовал совершенства. Попыхивающий толстой тосканской сигарой, Гуччо Гуччи был хозяином «торгового зала» в старомодном смысле слова; следил, чтобы все было в безукоризненном состоянии до того, как открывались двери – точно с последним ударом его жилетных часов. Едва магазин открывался, он был тут как тут в своем щегольском костюме-тройке, готовый источать очарование.

Его переполняла решимость сделать свою компанию как минимум такой же успешной, как «Франци», и – как и собственники его бывшей компании-работодателя – без тени сомнения рассчитывал, что его сыновья будут преданы этому делу, как и он сам. «Семья и преданность бизнесу стоят на первом месте», – всегда утверждал он. Кроме того, часто срамливая сыновей друг с другом, Гуччо рано воспитал в своих мальчиках чувство конкуренции. Моя тетка Гримальда тоже должна была энергично участвовать в семейном деле, но, поскольку она была женщиной, Гуччо никогда не включал ее в свой бизнес-план.

Мой дед настаивал, чтобы все его дети, независимо от пола, сохраняли безупречность манер, внешнего вида и поведения, свойственную людям, работающим в высокостатусной, амбициозной фирме. Он впитал вековую итальянскую традицию, известную как *bella figura*:¹² это выражение подразумевает манеру подавать себя миру с помощью красивой одежды, грации и элегантности, чтобы произвести наилучшее возможное впечатление.

Мой папа его не разочаровал. Старший сын в семье, с точеными чертами лица и – единственный из его детей – с пронзительными голубыми глазами, он, несомненно, был *numero uno*¹³. Прирожденный делец, унаследовавший хитрость матери и предпринимательский дух отца, он был энергичным подмастерьем и смело взвалил на себя все трудности построения семейного бизнеса. «Ранняя пташка», он обычно первым вылетал за двери, чтобы доставить на своем велосипеде красиво упакованные товары из кожи покупателям в самых разных уголках Флоренции, часто бросая вызов стихиям на узеньких улочках, запруженных конными экипажами.

К тому времени, когда ему исполнилось двадцать лет и он начал работать в полную силу, мой отец научился копировать разборчивость деда, тщательно осматривая магазинные витрины и проверяя каждый шов всякого изделия, которое производила их компания. Оба они настаивали на постоянном присутствии персонала в торговом зале, чтобы не терять контакта со своими покупателями и гарантировать, что магазин, носящий их имя, будет блистательным свидетельством качества и превосходства. Однако за пределами торгового зала дело выглядело не так респектабельно. Начать с того, что продажи не отличались стабильностью, и в какой-то момент деду едва не пришлось закрыть магазин. От краха его спасла лишь ссуда, предложенная женихом моей тетки Гримальды. Этот аванс помог компании продержаться, пока продажи вновь не выросли, что позволило деду не только выплатить долг, но и открыть второй магазин – недалеко от первого, на виа дель Парьоне.

¹² Красивая внешность. (Примеч. пер.)

¹³ Номер один, т. е. первым во всем.

Вскоре папа на деле доказал, что уже вырос и стал сведущим работником, чтобы его отправили на практику как первого в истории коммивояжера фирмы *GUCCI*.

Такая работа импонировала его жажде странствий и блудливому взору. Таская с собой чемоданы, полные товаров на продажу, он без зазрения совести занимал все багажные полки, оставляя мало места для других пассажиров. Характеру Альдо, которого кое-кто называл *faccia tosta* [нахал. – *Пер.*], было присуще врожденное высокомерие, но это удивительным образом сходило ему с рук. Красивый молодой холостяк при средствах, он быстро обнаружил неожиданные преимущества ежедневного контакта с владельцами магазинов, иностранными гостями, богатыми покупателями и их служащими, особенно если они оказывались особами женского пола.

Он много путешествовал, но именно во Флоренции ему было суждено познакомиться с первой женщиной, оказавшей серьезнейшее влияние на его жизнь.

Глава 3

Становление Альдо Гуччи

Рассматривая фотографию отца и его жены, сделанную в день их свадьбы, я с удивлением вижу на ней встревоженного молодого человека. Его сжатые кулаки и неуверенность, написанная на лице, говорят о бремени ответственности, которое он, должно быть, ощущал в свои двадцать два года. Что интересно, я узнаю в нем себя – в форме носа, в опущенных уголках глаз и удлинённом овале лица.

Его невеста, напротив, держится гораздо непринужденнее, чуть наклонив голову к мужу и приоткрыв рот, будто собирается что-то сказать. Вокруг нее витает атмосфера предвкушения, не только потому, что она была в этот момент беременна, но и в ожидании заманчивого будущего.

Олвен Прайс была миловидной блондинкой родом из графства Шропшир, что находится в английском Мидлендсе, неподалеку от границы с Уэльсом. Ее протестантская семья занималась деревообработкой и изготавливала мебель, колеса и гробы. Старшая из шести детей, Олвен выучилась на женскую портниху, но каким-то образом избежала провинциальной скучной жизни и обязанности тянуть лямку, еще подростком поступив на службу и сделавшись личной горничной принцессы.

Одной из обязанностей Олвен, когда она работала на румынскую принцессу Елизавету, вышедшую замуж за Георгия II, короля Греции, было забирать покупки, сделанные ее госпожой, из эксклюзивных магазинов, до посещения которых та была большой охотницей. Скромный по размерам магазин *G. Gucci & Co.* на виа делла Винья Нуова во Флоренции был одним из ее любимых – и тем самым местом, где Олвен пала жертвой обаяния моего отца.

Весной 1927 года принцесса Елизавета нанесла неожиданный визит в этот магазин – без сопровождения свиты. Прибытие особы королевских кровей из Европы всегда было поводом для радости (в «Савое» по таким случаям звонили в специальный колокол), но на этот раз радостная суeta быстро затихла. Принцесса пришла не за покупками: она явилась, чтобы подать жалобу. Мисс Прайс, ее незамужняя служащая, за которую принцесса несла в некотором роде ответственность, завела тайный роман с моим отцом – так холодным тоном заявила Элизабет моему деду. Мало того, Олвен забеременела от него.

Гуччо не знал, куда деваться от стыда. Ему было отлично известно, что его пылкий сынок не способен обуздать свои желания и способен соблазнить едва ли не любую женщину в определенных кругах.

Его все более безответственные интрижки стали притчей во языцех в семейной мастерской; утверждали даже, что он как-то раз положил глаз на монашку в поезде, которая позволила ему ласкать ее. Никто не усматривал в этом ничего дурного, но довести девушку до беды – это было уже слишком.

Моему отцу, должно быть, хотелось бежать куда угодно и сделать что угодно в то время, когда он узнал, что Олвен беременна. Тем не менее уроки отца об уважении к семье не пропали даром. Альдо также питал искреннюю привязанность к хорошенькой юной горничной, равно как и оставшееся на всю жизнь восхищение всем британским, тоже воспитанное в нем отцом. Не успев полностью оценить все последствия своего шага, папа предложил жениться на этой 19-летней девушке и обещал заботиться об их будущем ребенке.

Это предложение принцесса сочла приемлемым, так что когда Олвен была на четвертом месяце беременности, пока еще незаметной, они с отцом поженились в католической церкви Богоматери и св. Освальда, недалеко от ее дома в английском городе Освестри. Это событие произошло 22 августа 1927 года. На фотографии Олвен, которая была намного ниже ростом,

чем мой отец, одета в белое платье до колен, на голове короткая вуаль и расшитый жемчугом головной убор в форме полумесяца. Перед собой она держит, крепко сжимая, большой букет цветов. Можно сказать, на лице ее застыло выражение триумфа.

Мои дед и бабушка не стали пересекать Ла-Манш, чтобы присутствовать на бракосочетании, поскольку это означало бы закрытие магазина и ненужные расходы. Мой отец в церкви назвался торговцем кожгалантереей и залучил в шаферы местного торговца табаком.

Как было заведено тогда в Италии – и теперь этот обычай в определенной степени вернулся снова, – молодая жена переехала к мужу и его родителям в их скромный двухэтажный домик во Флоренции. Хотя Олвен немало поездила по свету, вскоре она почувствовала себя как рыба, выброшенная на песок, в стране, на языке которой она едва могла объясниться. Она не слишком поладила со свекровью, да и от местной кухни была не в восторге.

С рождением требовательного первенца, Джорджо, появившегося на свет 2 февраля 1928 года, у нее не осталось времени на общение, так что мой отец все чаще и дольше отсутствовал, уезжая как по делам, так и ради удовольствия. Когда один за другим последовали еще двое сыновей, Паоло, родившийся в марте 1931 года, а в ноябре 1932 года – Роберто, его жена целиком посвятила себя воспитанию детей. Поскольку молодой семье требовалось больше пространства, супруги переехали в собственный дом в пригороде, где Олвен еще больше отдалилась от своего динамичного мужа, истинного латинянина по духу, чей аппетит к жизни – и женщинам – никогда не иссякал.

Италия в период между двумя мировыми войнами находилась практически в рабстве у своего премьер-министра Бенито Муссолини, руководителя фашистской партии. Умело используя пропаганду и обещания экономического роста, этот человек, известный как *Il Duce* [вождь. – *Пер.*], создал культ собственной личности и правил страной как однопартийный диктатор с помощью своих устрашающих «чернорубашечников».

Мой отец никогда не проявлял интереса к политике и не тратил времени на фашистов. Они с моим дедом были слишком заняты собственными замыслами. Несмотря на то что страна задыхалась в железной хватке экономической депрессии, они решительно настроились продвигать свои планы по расширению компании, используя сырье импортного производства. Мои дяди, Васко и Родольфо, с юности подавали надежды, но ни в одном из них не было того рвения устроить будущее семейного бизнеса, каким отличался мой отец. В 1935 году, когда папе исполнилось тридцать, политика неожиданно вмешалась в его планы. Муссолини отдал приказ о вторжении в Абиссинию (также известную как Эфиопия) из-за постоянного пограничного спора с итальянской колонией Сомали. Этот семимесячный военный конфликт вызвал возмущение во всем мире, и Лига Наций, в которую входили обе страны, применила ряд санкций, повлекших торговую блокаду Италии.

Рискуя лишиться доступа к жизненно необходимым поставкам кожи из Германии, мой отец и дед были вынуждены действовать быстро, не предполагая, что их решения зададут тон всему будущему *GUCCI*. Папе удалось закупить некоторое количество телячьих кож в красивом историческом квартале Флоренции, Санта Кроче, расположенном на юго-восточной окраине города. Сознывая, что этот высококачественный и более дорогой материал, известный как *cuoio grasso* [«богатая кожа». – *Пер.*], придется использовать экономнее, он отыскал итальянских поставщиков джута, пеньки, полотна и неаполитанской конопли – материалов, которые планировал использовать для замены кожи.

Для изделия, которому суждено было стать их фирменным чемоданом-бестселлером, он выбрал парусину цвета загара с характерным геометрическим принтом в темно-коричневой гамме, который стал известен как дизайн «ромби». Эта фирменная ткань по-прежнему используется в продукции Гуччи и впоследствии была персонализирована рядами пересекающихся двойных букв *G* – инициалов Гуччо Гуччи; это была еще одна хитроумная инновация моего отца.

Итало-абиссинская война завершилась в том же месяце, когда он отметил свой тридцать первый день рождения, но ее воздействие на дизайн и восприятие изделий *GUCCI* оказалось пожизненным. Компания не только сумела обойти торговое эмбарго – ее бизнес переживал настоящий бум. Папа чувствовал себя неуязвимым, несмотря на отдаленный рокот следующего военного конфликта. Мой дядя Васко удовольствовался ролью главы фабрики, а дядя Родольфо осуществил свою мечту, став киноактером под сценическим псевдонимом Маурицио д'Анкора.

Мой отец, по-прежнему остававшийся «сыном номер один», грезил о расширении бизнеса – сначала в Риме, а потом и дальше; но ему потребовались два года усилий и многочисленные жаркие споры, прежде чем он смог убедить деда, что в таком риске есть финансовый смысл. В зрелости Гуччо стал осторожничать, особенно при воспоминании о том, как его семья однажды едва не лишилась всего. Бизнес во Флоренции развивался лучше, чем он рассчитывал, и это было пределом его мечтаний: «Зачем нам рисковать ради какой-то авантюры в городе, где у нас нет никаких связей? Особенно когда ходят слухи о грядущей войне». Но за угрюмым фасадом умудренного жизнью пожилого мужчины по-прежнему скрывался юнец-авантюрист, некогда сбежавший в Англию на поиски своего счастья, и втайне дед восхищался отвагой и неукротимой волей моего отца – тем, что итальянцы называли его *forza* [сила. – Пер.].

Под натиском железной хватки в итоге дед позволил отцу купить новый магазин в Риме, в доме двадцать один по виа Кондотти, расположенном в фешенебельной центральной части города недалеко от Испанской лестницы. Этот магазин был в основном скопирован с первого, его дизайн был дополнен такими же дверными ручками из слоновой кости, вырезанными в форме оливок. Не стали экономить на витринах, коврах и освещении. В двухэтажном угловом доме даже имелись просторные апартаменты на втором этаже для Олвен и троих их сыновей. Рим стал их новым домом.

Первого сентября 1938 года папа руководил открытием нового *bottega*, или магазина, на виа Кондотти. Могу только представить то чувство возбуждения, какое он, должно быть, ощущал, впервые в жизни открывая филиал вне Флоренции, когда его честолобивый дух нашел наконец отдушину. Он заверял отца в гарантированных продажах благодаря растущему количеству туристов из Америки и других стран, наводнивших главный город Италии, и все они жаждали вернуться домой с качественной кожгалантереей.

На что он явно не рассчитывал, так это на то, что ровно через год после официального открытия магазина разразится Вторая мировая война.

Когда позднее, в 1940 году, Муссолини заключил союз с Германией, будущее предстало мрачным – не только для их семейного бизнеса, но и для почти каждого коммерческого предприятия во всей Европе. Если бы не поддержка дружественного банка и военный контракт, по которому их мастера должны были шить сапоги для итальянских пехотинцев, *G. Gucci & Co.* почти наверняка пошла бы ко дну.

Мой отец сумел избежать призыва благодаря покровительству *Il Duce*, который решил, что бизнес в итальянской столице должен продолжать свою работу, дабы поддерживать бодрость духа итальянской нации. Его братьям во Флоренции повезло меньше, и оба они оказались на фронте. Однако Риму тоже досталось, когда союзные войска бомбили город в 1943 и 1944-м, тогда погибли тысячи мирных граждан. Ватикан придерживался политики нейтралитета, и папа Пий XII выходил на улицы Рима, чтобы раздавать милостыню самым обездоленным. В конце концов ему удалось вымолить у президента Рузвельта объявить Рим «открытым городом» – то есть городом, который отказался от всяких оборонительных действий, – что в итоге спасло его жителей и великие культурные сокровища.

В то время как мой отец старался удерживать бизнес на плаву, его жена сосредоточилась на сыновьях. Она воспитывала их в условиях двуязычного общения и планировала по оконча-

нии войны при первой возможности отправиться домой, чтобы навестить родителей в Англии. Все мальчики учились в школе Матери Божией, которой руководили ирландские монахини. В основном они были очень дружны, не считая обычного духа братского соперничества. Джорджо, старший, заикался и был довольно нервным ребенком. Паоло, типичный средний сын, – шумный и общительный, а Роберто в младенчестве был всеобщим любимцем. В силу постоянного отсутствия в доме мужчины, которого они называли «папочкой» и с которым Олвен была связана браком без любви, именно мать питала эмоциональную жизнь своих сыновей.

В наши дни кажется странным, что менее ста лет назад развод в Италии был не только делом неслыханным, но и считался прямым нарушением канона Католической церкви, как-вым и остается по сей день. Развод не получал здесь законодательного разрешения вплоть до 1970-х годов. В то время даже протестантская Британия смотрела на разводы косо. Если Олвен не горела желанием вернуться в Шропшир, чтобы жить там без детей и получать продукты по карточкам, ей не оставалось ничего иного, как жить в Италии и воспитывать мальчиков в меру своих возможностей. Она смирилась с тем фактом, что мой отец будет в основном отсутствовать в ее жизни, одержимый стремлением к профессиональным, личным и коммерческим успехам.

Когда война закончилась и партизаны убили Муссолини, мрачных нацистов в Риме сменили американские солдаты-победители, дымившие сигаретами и раздававшие жевательную резинку. И казавшийся неисчерпаемым запас долларовых купюр американских солдат нигде не приветствовали теплее, чем в магазине Гуччи. Когда папа ежедневно подсчитывал кассу, он, должно быть, испытывал немалое облегчение от того, что риск, который многие считали безрассудной авантюрой, наконец окупался.

Бурлящий новыми идеями, в надежде создать себе международную репутацию, он быстро нарастил производство удобных для транспортировки аксессуаров – перчатки, пояса, нагрудные значки и ключницы. Он также начал обучать ремеслу своих детей, готовя их к тому моменту, когда они займут свои места в династии Гуччи, которую он надеялся создать, – начинание, активно поощряемое его отцом.

Любовь моего деда к своему ремеслу была настолько сильна, что, как говорят, он любил помахивать клочком кожи под носом у своих внуков вскоре после их рождения, приговаривая: «Так пахнет кожа, так пахнет твое будущее!» Не знаю, как отреагировала бы я в детстве, если бы мой отец проделал подобное со мной, но, став взрослой, я могла оценить натуральную выделку и несравненное качество дорогой кожи, пробуждающее во мне воспоминания о самых лучших моментах жизни.

Так же, как и его отец, мой папа поощрял жесткую конкуренцию между своими неоперившимися сыновьями-подростками, побуждая их развивать в себе обостренный интерес к бизнесу, который, согласно его решению, им предстояло однажды унаследовать. Он занимал их работой на складе и в доставке, подобно тому, как сам работал в их годы. В те головокружительные давние дни, с удовольствием отсылая своих отпрысков на велосипедах к покупателям, мой отец никак не мог знать, что именно они, вступив в сговор между собой, станут причиной его крушения.

Глава 4

Сила мифа и покорение Америки

Словарь определяет миф как «традиционное сказание, в котором воплотился опыт древнего народа». Это слово может также означать «широко распространенное, но ложное представление или идею». Мне, выросшей под завесой тайны, было не привыкать к тому, что правду всегда прячут; поэтому, когда я узнала, что за время, прошедшее с моего рождения, окружающая имя Гуччи история претерпела некоторые изменения, это не стало для меня сюрпризом.

С первых дней службы в отеле «Савой» дедушка Гуччо осознал важность традиции, когда речь идет о создании символа общественного статуса. Титулы предков, фамильные гербы и тисненые инициалы были отличительным признаком мелкопоместного дворянства, так что моему отцу, если он хотел сделать лейбл *GUCCI* синонимом роскоши, чтобы привлекать богатых покупателей и «тянуться вверх», нужно было умалчивать о скромных корнях своего рода и изобрести для него более впечатляющую наследственность. И уж явно не в интересах семьи афишировать плебейское начало карьеры деда в качестве коридорного.

Как однажды заявил папа, «символ статуса не возникает из воздуха. Он становится таковым, когда его принимает определенная элита, и после этого все стремятся его купить». Поэтому в первые послевоенные годы они с отцом принялись разрабатывать хитроумный план по созданию «предыстории» для фамилии Гуччи. Поскольку они оба выросли до появления автомобилей, а среди их клиентов было немало аристократов, продолжавших ездить в экипажах, они придумали лакированную версию истории, в которой их род «предположительно» ведет свое начало от флорентийских седельщиков, обслуживавших средневековую знать.

Такая интерпретация удачно укладывалась в представление о прочной и надежной продукции, связанной с «конской» тематикой, которую они начали производить: тесьма в красно-зеленую полоску, вдохновленная подпругами; ткани цветов жокейской одежды; металлическая фурнитура и ручки, стилизованные под стремени и уздечки; и особые двойные швы, которые обычно ассоциируются с лучшими кожаными седлами.

Хитрым ходом стало усовершенствование крохотной эмблемы *GUCCI*, вручную вышитой на каждой фабричной сумке. Теперь она включала стилизованный герб, на котором был изображен щит под родовой фамилией, украшенный розой и колесом. Благородный рыцарь в доспехах сменил плебея-слугу, несущего багаж.

Так появился миф.

В детстве отец подарил мне крохотный перстень-печатку с гербом Гуччи. Изготовленный из 11-каратного золота, он идеально сидел на моем мизинце. Хотя я и была тогда слишком мала, чтобы оценить его значение, но носила его с гордостью и по-прежнему дорожу им.

У моего отца были и другие идеи для поддержания активности торговли. В трудные послевоенные годы, когда Италия страдала от депрессии, а кожа оставалась контролируемым товаром¹⁴, он продолжал экспериментировать с другими материалами, чтобы производить финансово выгодную продукцию. Как говорится, голь на выдумки хитра, и в 1947 году на свет появилась *Bamboo Bag* [«бамбуковая сумка». – *Пер.*]. Невозможно точно сказать, кому из Гуччи первому пришла в голову идея сумки из свиной кожи характерной формы, навеянной ассоциациями с очертаниями седла, с ручками из обожженного бамбукового тростника; но я лично всегда считала, что это был гениальный ход.

¹⁴ Контролируемые товары и технологии – это сырье, материалы, оборудование, научно-техническая информация и т. д., которые в силу своих особенностей и свойств могут внести существенный вклад в создание оружия массового поражения, средств доставки, иных видов вооружений и военной техники. (*Примеч. пер.*)

Эта сумка сразу же стала хитом и даже «снялась» в фильме Роберто Росселлини¹⁵, где украшала руку Ингрид Бергман¹⁶. После стольких лет финансовой разрухи и фашистского правления отважная маленькая *Bamboo Bag* от *GUCCI* явила собой нечто новое и восхитительное. Символизировавшая возрождение страны, она стала фирменным стилем компании, который был использован во многих позднейших репликах и остается культовым статусным символом винтажных моделей, за которыми охотятся по сей день. У меня тоже была такая, черного цвета, подарок матери; увы, она была украдена много лет назад вместе с коллекцией других сумок *GUCCI*, входивших в набор вещей, которыми я особенно дорожила.

К тому времени и мой отец, и оба дяди постоянно были заняты в бизнесе. После того как Родольфо большую часть военного времени провел в агитационных поездках по войскам, его сценическая карьера потерпела крах. Потеряв работу, он без особого желания занял свое место в торговом зале магазина на виа дель Парьоне, посвящая свободное время созданию длинного автобиографического фильма, в который вошли фрагменты его лучших киноролей. Он тоже творил собственный миф.

Покладистый и добродушный Васко, в военное время отвечавший за производство армейских сапог, возглавил флорентийские фабрики, включая и новую, построенную на волне успеха «бамбуковой сумки». Чтобы вознаградить трех своих сыновей за старания, дед назначил на директорские должности каждого из них, выделив им равные доли акций, хотя все соглашались с тем, что «кресло водителя» они делили с моим папой. Тем не менее это решение укрепляло их уверенность и семейную гордость. В компанию с репутацией надежного работодателя, где поощрялось новаторство и соизмеримые вознаграждения, стекались умелые кожевники.

Умной мерой (подозреваю, дед скопировал ее с фирмы Франци) явилось то, что каждому мастеру был присвоен личный идентификационный номер – его штемпелевали внутри каждого изделия, чтобы поддержать сознательность и ответственность, подчеркнуть креативность и указать на изготовителя товара. Любой брак можно было отследить до мастера, что помогало гарантировать высочайшие стандарты производства.

Требовалось все больше рабочих рук, чтобы выполнять возрастающее количество заказов, в то время как римский магазин продолжал расширять торговлю. Страстно желая нажиться на растущем международном престиже *GUCCI*, мой отец придумал девиз: «Качество помнят еще долго после того, как забывается цена» – и, велев увековечить его золотым тиснением на кожаных табличках, разместил их в магазинах на стратегически важных местах. Действительно, в те годы их товары были настолько добротными, что матери моих друзей до сих пор вздыхают, говоря, что купленные тогда сумки неподвластны возрасту и даже спустя десятилетия выглядят как новенькие. Мой дед, одержимый идеями ремесленного мастерства и долговечности, был бы горд, услышав эти слова.

В своей непоседливой манере, хорошо известной нам с мамой, папа отправлялся все дальше и дальше в поисках новых материалов и посещал ремесленные выставки по всей Европе. В Лондоне он заказал огромное количество рыжих и пятнистых свиных кож у специалистов-красильщиков в городе Уолсолл, графство Стаффордшир. Эти нежные, точно сливочное масло, кожи стали настолько важны для бизнеса Гуччи, что он лично ездил на фабрику выбирать их. Чем больше он путешествовал, тем отчетливее понимал, что компании необходимо расширяться, чтобы воспользоваться преимуществами мирового бума потребления. Вначале он устремил свой взор на Милан, который быстро оправлялся после ковровых бомбардировок авиации союзников.

¹⁵ Роберто Росселлини – итальянский кинорежиссер, который положил начало неореализму в кино «военной трилогией», состоящей из фильмов «Рим – открытый город», «Пайза» и «Германия, год нулевой».

¹⁶ Ингрид Бергман – шведская и американская актриса. В рейтинге Американского института киноискусства – 100 величайших звезд кино за 100 лет по версии AFI – занимает 4-е место.

Дед не переставал тревожиться по поводу любых перспектив дальнейшего расширения. Они с моей бабушкой Аидой по-прежнему жили в том же семейном доме и приобрели не так уж много предметов роскоши. Одним из девизов Гуччо были слова: «Оставайся скромным, чтобы быть великим», и он был настроен не позволять моему отцу возноситься в заоблачные высоты. Разумный и умеренный Васко, в функции которого входили наем персонала и надзор за производством, тоже опасался неприкрытых амбиций моего папы. Младший в семье, дядя Родольфо, по прозвищу Фоффо, относился к этому немного иначе. Поскольку Фоффо был дамским любимчиком и повидал свет, он общался с людьми утонченными и знал, что существует свободная ниша для качественных товаров. И хотя он был вынужден отказаться от своих голливудских фантазий, Родольфо понимал, что у моего отца тоже есть мечты, и вскоре стал его главным союзником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.